

Мнение о неустранимости культурных барьеров между разными цивилизациями разделяется в наше время большинством авторов, пишущих на данную тему. Число цивилизаций может меняться, на смену одним цивилизациям приходят другие, но само их раздельное существование остается неизменным. И нет такой силы в мире, которая могла бы преодолеть эти барьеры, слить воедино разные цивилизационные миры.

Подобному мнению противостоит, казалось бы, происходящий на наших глазах процесс глобализации. Именно на глобализацию ссылаются те из авторов, кто отстаивает идею единой (универсальной) цивилизации⁴. Вместе с тем нельзя не видеть, что способность глобальных – экономических и информационных – систем выходить за пределы не только национальных, но и цивилизационных границ несет с собой новые вызовы, угрожающие человечеству. Ведь именно на этих границах формируются мощные очаги антиглобалистского движения с их фундаменталистскими или леворадикальными лозунгами. Создаваемая глобализацией напряженность в отношениях между Западом и другими регионами мира заставила ряд исследователей, начиная с того же Тойнби, заговорить об угрозе столкновения цивилизаций. По их мнению, нарушение границ между цивилизациями чревато более тяжелыми последствиями (вплоть до международного терроризма и ядерной войны), чем даже те, которые когда-то вызывались нарушениями национально-государственных границ.

Что можно противопоставить угрозе такого столкновения? Ответом на этот вопрос стала идея *диалога цивилизаций*, которую сегодня активно обсуждают ученые, политики, деятели науки и искусства из разных стран и регионов мира. Примером может служить изданная под эгидой ООН книга «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями» с участием интеллектуалов из 18 стран мира. По их общему мнению, «диалог – это надежный инструмент для построения новой парадигмы глобальных отношений. Диалог – это самый первый шаг, который дает нам чувство сопричастности, ибо, общаясь с другими и слушая других, мы делаем первый шаг на пути к нашей общности»⁵. Чуть позже и в России появилось значительное число публикаций, посвященных той же теме⁶.

Принимая в целом идею диалога как наилучшего способа человеческого общения, необходимо, однако, более внимательно разобраться в природе этого типа коммуникации. Здесь не все так

ясно, как может показаться на первый взгляд. Что следует понимать под диалогом? Какой именно тип общения заслуживает такого названия? Любая ли цивилизация приемлет диалог и готова к нему? И что нужно сделать, чтобы он мог вообще состояться? Но, пожалуй, главным является вопрос о том, в какой мере диалог способствует становлению единой цивилизации. Об этом и пойдет речь в данной статье. Я не ставлю перед собой задачу пересказать и прокомментировать все существующие на этот счет мнения и суждения, но попытаюсь изложить собственную точку зрения с учетом, разумеется, того, что уже сделано другими.

1. Цивилизации и цивилизация

В современной науке под цивилизациями принято понимать достаточно устойчивые и предельно обобщенные социально-исторические единицы с четко фиксированными краями и границами в сфере общественной и духовной жизни. Так, согласно С.Хантингтону, цивилизацию можно определить «как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей»⁷. Цивилизации отличаются друг от друга рядом существенных признаков. «Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношение между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Они (эти различия. – *В.М.*) не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами»⁸.

В основу теории цивилизации Хантингтон (вслед за большинством англо-американских и французских историков) кладет два основных постулата. Во-первых, отрицание единой, общей для всех универсальной цивилизации. По его мнению, «существует различие в восприятии понятия “ивилизация” как единственная таковая и понятия “цивилизация” как одна из многих»⁹. Если французские философы XVIII столетия противопоставили идею цивилизации – оседлого, городского и образованного общества – состоянию «варварства», то почти одновременно возникла привычка говорить о

цивилизации во множественном числе. «Это означало “отказ от определения цивилизации как одного из идеалов или единственного идеала” и отход от предпосылки, будто есть единый стандарт того, что можно считать цивилизованным, «ограниченным, по словам Броделя, – несколькими привилегированными народами или группами, “элитой” человечества. Вместо этого появлялось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему»¹⁰.

Как известно, понятие «цивилизация» стало общеупотребительным еще в XVIII в., причем преимущественно в литературе французского и английского Просвещения¹¹. В то время оно обозначало исключительно европейские порядки и институты в противоположность всему неевропейскому. Цивилизация в представлении просветителей одна, а именно европейская (или западная, как говорят сейчас); все остальные – дикари и варвары¹². Чуть позже – в целях, прежде всего, политкорректности – английские и французские историки распространят это понятие на другие – неевропейские – народы, посчитав их хоть и не похожими на себя, но столь же цивилизованными народами.

Во-вторых, каждая цивилизация представляет собой культурную целостность, что признается всеми за исключением Германии, в которой цивилизация и культура мыслились по принципу противоположности, т. е. как не синонимы, а антонимы. «Немецкие мыслители девятнадцатого века провели четкую грань между понятиями “цивилизация”, которое включало в себя технику, технологию и материальные факторы, и “культура”, которое подразумевало ценности, идеалы и высшие интеллектуальные, художественные и моральные качества общества. Это разделение до сих пор принято в Германии, но больше нигде»¹³. Хантингтон забыл, естественно, о России, где такое разделение также служило основой для ее национального самоопределения¹⁴. Американский ученый не просто отстаивает идею множественности цивилизаций, что представляется ему эмпирически очевидным, но особо подчеркивает тождество цивилизации и культуры, выводя на первое место в этом тождестве язык и религию. «Центральными элементами любой культуры или цивилизации являются язык и религия»¹⁵.

Отличие одной цивилизации от другой следует искать, с этой точки зрения, в типе религиозной веры, т. е. культуры в той ее части, в какой она еще не отделилась от культа. Каждая из великих

цивилизаций имела свой пантеон Богов или единого Бога, складывалась вокруг общего для себя религиозного культа. «Основные цивилизации в человеческой истории в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира...»¹⁶. Барьер между разными религиями практически непреодолим: можно перейти из одной веры в другую, но их нельзя совместить в единой религиозной системе. Каждая вера по-своему универсальна и самодостаточна. Религия – как бы последний рубеж между разными цивилизациями.

Отсюда достаточно распространенная типология цивилизаций. Так, говорят о христианской (западной и восточно-православной), мусульманской, буддийской, индуистской цивилизациях. Именно эти пять цивилизаций Тойнби отнес к последнему – третьему – поколению цивилизаций, дожившему до нашего времени. Тойнби предвидит в будущем и возможность столкновения между ними, например, в ядерной войне (эту его мысль и подхватил Хантингтон), что грозит человечеству гибелью. Оправдается это предвидение или нет, границы между цивилизациями представляются ему неустранимыми.

Какое место в этом раскладе занимает Россия? Тойнби отнес ее к «восточно-православной цивилизации», берущей начало в Византии. Наличие «православной цивилизации» признается и Хантингтоном, причем лидирующую роль в ее сохранении в современном мире он отводит России. Вопрос о России как особой цивилизации требует специального рассмотрения, но уже сейчас можно сказать, что он не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд. Православие, несомненно, находится в истоке русской духовности и культуры, но, во-первых, не только русской, во-вторых, вряд ли может служить достаточным основанием для признания существования в России особой цивилизации. Не считать же цивилизацией самодержавие и тоталитаризм, хотя попытки сблизить то и другое с православием предпринимались разными авторами. Тот же Тойнби считал православную Византию родиной тоталитаризма, от которой его унаследовала и Россия: тоталитаризм, согласно Тойнби, – «византийское наследие России». Для большинства зарубежных и отечественных авторов самодержавие и тоталитаризм – признак все же не цивилизации, а неизжитого варварства, свидетельство исторической отсталости страны, ее недостаточной цивилизованности. Как быть с этим?

Итак, по общепринятому мнению, цивилизация существует не в единственном, а во множественном числе. Можно ли подвести это множество под какое-то общее определение? В своей книге «Цивилизация и варварство в современную эпоху» Н.В.Мотрошилова ставит вопрос о необходимости выработки общего понятия цивилизации. Автор справедливо полагает, что без такого понятия нельзя судить о том, чем одна цивилизация отличается от другой. А общим для них всех, по ее мнению, является отрицание варварства. Оппозиция «цивилизация–варварство» и кладется ею в основу общего понятия цивилизации.

С такой постановкой вопроса нельзя не согласиться. С этой оппозиции, собственно, и началась разработка проблемы цивилизации в истории философской и научной мысли. Н.В.Мотрошилова как бы предлагает вернуться к началу. Иное дело, что по мере развития исторической науки граница, отделяющая цивилизацию от варварства, постепенно отодвигалась в глубь веков. То, что еще в начале XIX в. считалось варварством (образ жизни всех неевропейских народов), чуть позже – в результате археологических раскопок и филологических изысканий – обрело имя цивилизации. Тогда-то и заговорили о цивилизациях Древнего Востока или доколумбовой Америки. Многие историки связывают возникновение цивилизации с т. н. «неолитической революцией», т. е. переходом к оседлому земледелию. С открытием «древнего общества» Л.Морганом и «первобытной культуры» Э.Тейлором среди антропологов стало вообще научно несостоятельным говорить о дикарях и варварах, хотя, разумеется, никто из них не относит возникновение цивилизации к началу человеческой истории. Важно, однако, даже не то, с какого времени историки и антропологи начинают отсчет истории цивилизации, а что заставляет их говорить о ней во множественном числе. Цивилизация, возможно, отрицает варварство, но почему она не одна, а их много? И в чем тогда состоит это отрицание? Как, иными словами, в ситуации множества цивилизаций определить границу между цивилизацией и варварством?

Ответить на этот вопрос, по мнению Н.В.Мотрошиловой, можно лишь путем логико-теоретической выработки общего (философско-онтологического) понятия цивилизации. Сначала надо на понятийном уровне «...выяснить суть, характерные от-

личия, противоречия и т. д. цивилизации как таковой – соответственно создавая (и используя) современную целостную теорию цивилизации. В этой теории, разумеется, должна найти место концепция (к настоящему времени она – более разработанная, развитая) разнообразия, типов цивилизации, специфики тех или иных относительно самостоятельных цивилизационных образований, целостностей. Но ведь с логико-теоретической точки зрения разделение (чего-либо, в частности цивилизации) на «веер» форм, типов – дело вторичное, возможное лишь после того, как хотя бы на интуитивном уровне будет определено, что такое “сама по себе”, “по своей природе” цивилизация в целом»¹⁷.

В этом, в общем-то, правильном рассуждении неясно одно: что имеется в виду под «цивилизацией как таковой» – общее понятие цивилизации или понятие общей (универсальной) цивилизации? Является ли такое понятие результатом чисто логической операции или отражением реально существующего феномена? Ученый, исследующий разные цивилизации, несомненно, должен иметь общее представление о том, что он обозначает этим термином, но отсюда еще не следует признания им существования универсальной цивилизации в настоящем или будущем. Тойнби и Шпенглер в принципе отрицают такую возможность, что, разумеется, не означает отсутствия у них общего понятия цивилизации. Если Н.В.Мотрошилова ставит вопрос о необходимости для историка иметь в своем научном арсенале такое понятие, то тут и спорить не о чем. Но можно ли на этом основании сделать вывод (в духе онтологического доказательства) о наличии в самой действительности (пусть и в отдаленной перспективе) универсальной цивилизации? Ведь каждая из них по-своему отрицает варварство. Что же заставит их сблизиться друг с другом? Не является ли условием такого сближения их предварительное согласие относительно того, что считать варварством?

Пока реальным аналогом «цивилизации как таковой» служил образ жизни европейских народов, о варварстве других народов судили по признаку противоположности этому образу жизни. Европейская цивилизация понималась в этом случае как единственная в своем роде. Но когда претензия европейца говорить от имени всей цивилизации была поставлена под сомнение, возникла традиция *сравнивать цивилизации не с варварством, а друг с дру-*

гом. Само слово «цивилизация» стало употребляться в значении не того общего, что есть между разными странами и народами, а того, что их отличает друг от друга.

Тем не менее предложение Н.В.Мотрошиловой считать одним из признаков цивилизации *отрицание варварства* является шагом вперед по сравнению с теорией «локальных цивилизаций». Проблема лишь в том, что понимать под варварством при наличии множества цивилизаций. Какая из них может служить эталоном полной и окончательной свободы от варварства? Ведь то, что является варварством для западного человека, представители других народов могут расценивать как отличительный признак своей цивилизации. На Западе деспотическая форма правления – признак неизжитого варварства, на Востоке – неотъемлемая часть существовавших здесь и еще частично сохраняющихся цивилизаций. Вот и вся атрибутика самодержавной власти в России – признак варварства или цивилизации? Варварство, следовательно – не только внешняя, но и внутренняя проблема, которую каждая цивилизация решает по-своему и за свой собственный счет.

В своей книге Н.В.Мотрошилова делает вывод, что цивилизация в своем развитии пока так и не одержала полной победы над варварством. Солидаризируясь с мнением немецкого социолога Клауса Оффе, согласно которому современное варварство есть обратная сторона той же цивилизации, оно как бы запрограммировано, встроено в саму цивилизацию, она фиксирует проявления варварства в самых разных областях общественной жизни – «намеренное или непреднамеренное насилие в отношении к природе, приводящее к экологическим катастрофам (“экологическое варварство”); ущемление прав, свобод, социальных норм в политической деятельности, насилие, терроризм в государственной сфере и сфере гражданского общества.; пренебрежение цивилизационными нормами политической деятельности, демократического процесса (“политическое варварство”); нарушение нравственных норм и пренебрежение гуманистическими ценностями, выработанными в светской и религиозной сферах (варварство безнравственности); предпочтение военных целей и средств мирным способам разрешения конфликтов (“милитаристское варварство”); “мерзость запустения” в повседневной жизни, быту, недостойное человека существование (“бытовое варварство”))¹⁸. Всюду отступления от того,

что принято считать цивилизованными нормами жизни. Правда, из ее книги не совсем ясно, являются ли эти отступления варварством в любой или только в западной цивилизации. Порой складывается впечатление, что под цивилизацией Н.В.Мотрошилова вслед за К.Оффе понимает все же только западную цивилизацию.

Чем же является цивилизация в качестве полной альтернативы варварству? Вот как пишет об этом сама Н.В.Мотрошилова: «Цивилизация начинается и достигает достаточно высокого уровня там и тогда, где и когда люди совершают действия, основанные на взаимности, не бессознательно, а с определенной мерой сознательности, не принудительно, а с высокой степенью добровольности»¹⁹. «Принцип взаимности, взаимодействия индивидов» является для нее важнейшим критерием цивилизованности общества и живущих в нем людей. Его, как я понял, и следует положить в основу общего понятия цивилизации.

С этим можно было бы также согласиться, если бы существовала большая ясность в том, как возможно достигнуть этой взаимности, причем в масштабе хотя бы одной цивилизации, не говоря уже о них всех вместе. «Сознательность» и «добровольность» в качестве условия взаимности предполагают наличие у людей самостоятельного мышления и личной свободы. Но как возможно то и другое там, где все находится под контролем верховной власти или господствующей религии? Не считать подобное состояние цивилизацией? Но тогда в праве называть себя цивилизацией придется отказать большинству из них. Похоже, что цивилизация, основанная на всеобщей сознательной и добровольной взаимности, существует более в голове философа, чем в действительности.

Выйти из этого затруднения, как я полагаю, можно только одним путем: истолковав цивилизацию не как простое множество эмпирических фиксируемых статических *состояний*, а как исторически осуществляемый *процесс становления единой, универсальной цивилизации*, по отношению к которому все существующие на данный момент «цивилизации» предстают как только его подготовительные фазы или ступени. Общим понятием цивилизации будет тогда не пустая абстракция, полученная путем сравнения разных цивилизаций, а мысленно фиксируемый результат, итог всего движения. В такой, пусть только мысленной, форме цивилизация и

может быть понята как действительный антипод варварства. К подобному выводу склоняется, как мне кажется, и Н.В.Мотрошилова, и в этом я с ней полностью согласен.

Идея цивилизации как динамического процесса влечет за собой признание существования *мировой истории*, отрицаемой большинством теоретиков локальных цивилизаций. Подобному признанию противостоит, казалось бы, очевидный факт социальной и культурной раздробленности человеческого рода. Что делать, например, с теми же религиями, которые не уложишь в единую формулу? А ведь именно в мировых религиях, как уже говорилось, многие историки видят главную разделительную линию между цивилизациями. Представить, что в процессе складывания универсальной цивилизации они сами собой исчезнут – значит, сильно упрощать проблему. Но можно ли интегрировать их в какую-то одну цивилизацию? Сам факт их наличия отрицает, казалось бы, всякую возможность существования мировой истории: у каждой цивилизации своя история, непохожая на другие.

На этот вроде бы неопровержимый аргумент существует и возражение. Приравнивание цивилизации к религии оправдано не во всех случаях и прежде всего по отношению к самому Западу. Христианство, действительно, есть религия Запада по преимуществу, но ведь не только оно создало западную цивилизацию. Другим ее истоком стала греко-римская античность, откуда, собственно, и заимствовано слово «цивилизация». Если средневековую Европу с ее властью католической Церкви над земными правителями еще и можно называть христианской цивилизацией, как быть с современным Западом, пережившим этап секуляризации? Разве он отличается от других цивилизаций только по своей вере? Возникшая здесь цивилизация дает основание для совершенно иной исторической типологии – не по религиозному, а по социальному признаку, в соответствии с которым существующие в истории общества подразделяются на традиционные и современные, доиндустриальные (аграрные), индустриальные и постиндустриальные. Их также можно называть цивилизациями (что часто и делается), но можно рассматривать как сменяющие друг друга ступени, стадии, звенья общеисторического процесса развития. Запад как бы дает иную точку отсчета для исторической периодизации – не синхроническую, а диахроническую. В его исторической оптике цивилизации

выглядят не как самостоятельные единицы, сведенные вместе посредством их простого перечисления, а как особые формы единого процесса исторического развития. Важно понять лишь общий вектор этого развития.

Кладя в основу классификационной таблицы цивилизаций мировые религии, историки воспроизводят лишь то, что лежит на поверхности явления, доступно непосредственному наблюдению. В такой оптике история, действительно, предстает как простое множество цивилизаций. Но уже в античности общественная жизнь людей обрела характер системы, базирующейся не столько на традиции, освященной мифом или религией, сколько на законах, принимаемых по взаимному согласию граждан и в силу доводов их разума. Для греков и римлян с этого и начинается цивилизация. Свое преимущество перед варварами они, будучи также язычниками, усматривали не в превосходстве своих богов над иноплеменными богами, а в общественно-политическом устройстве своей жизни, наделявшем индивида правами свободного гражданина. И только христианство, противопоставившее себя язычеству, усмотрело в последнем чуть ли не главное проявление варварства. Христианство, конечно, сыграло огромную роль в преодолении варварства, но и оно не могло до конца победить его. На чисто религиозной почве сделать это вообще невозможно. Не считать же христианскую (средневековую) Европу цивилизацией, полностью свободной от варварства, а языческую античность варварством, далеким от всякой цивилизации. Правда, многие христиански мыслящие философы Нового времени (включая и русских религиозных философов) именно в секуляризации власти и культуры, их отделении от Церкви увидели причину возврата Запада к язычеству, а вместе с ним к новому варварству. По их мнению, любая форма светской жизни, базирующаяся на рациональных, а не духовно-религиозных началах, чревата варварством.

Между язычеством и варварством нет прямой связи: не все язычники – варвары, как не все варвары – язычники. Народы, перешедшие к монотеизму, могут еще во многом оставаться в плену варварских обычаев и представлений. В любом случае, граница, разделяющая варварство и цивилизацию, не ограничивается религией и не сводится к ней. В равной мере переход от племенной к государственной жизни, в чем также видят признак существо-